

Кризис нравственного сознания и гуманитарного образования

Корчицкий Сергей Александрович,

кандидат педагогических наук, член Союза российских писателей,
доцент кафедры итальянского языка
Минского государственного лингвистического университета
(г. Минск, Беларусь)

В статье обсуждаются проблемы упадка нравственного сознания, снижения престижа гуманитарного образования и природа этих явлений. Автор рассматривает изменение отношения к истине и ее роли в научном и образовательном процессе, а также характеризует тектонические сдвиги в сфере сознания и образования, вызванные подобной переоценкой ценностей.

The article discusses the problem of the decline of moral consciousness, lowering the prestige of liberal education and the nature of these phenomena. The author considers the changes in relation to the truth and its role in the scientific and educational process, as well as characterize the tectonic shifts in consciousness and education caused such a reevaluation of values.

Ученые умы никогда не были кумирами толпы. Изредка им удавалось стать ее водителями, но история быстро исправляла данные «казусы». Тем не менее, гуманитарная образованность и любовь к истине часто была необходимым условием общественной и политической карьеры в Древнем мире. В современном социуме, особенно на постсоветском пространстве, образованность и порядочность стали, скорее, атрибутами бедности, а общественный успех связан исключительно с накоплением богатств и семейной узурпацией власти разного уровня.

Как отметил академик А. А. Зализняк, лауреат премии Солженицына 2007 года, в настоящий момент ощущается «распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в особенности» (здесь и далее цитируется «солженицынская» речь Зализняка, произнесенная на вручении данной премии).

Если начать перечислять причины и следствия такого кризиса, то можно рассуждать до бесконечности. Поэтому так важно выделить основной «вектор деградации», по которому можно проследить проблему, начиная с античности и вплоть до наших дней. И, по нашему мнению, очевидно, что проблема заключена в субъекте познания, поэтому можно с полным основанием говорить не только о кризисе гуманитарного образования, как чего-то абстрактного, а о деградации нрав-

ственного сознания, которая делает процесс познания в гуманитарной сфере практически невозможным.

Именно нравственность имеет прямое отношение к познанию. В самой авторитетной этической системе древности, изложенной великим римским стоиком Цицероном в произведении «Об обязанностях», выделяется четыре источника обязанностей, регулятивов нравственной жизни человека, и на первом месте стоит способность видеть истину. Эта способность как основа нравственности обосновывается тем фактом, что «человеку свойственна прежде всего склонность изучать и исследовать истину» [3, с. 259]. Великие умы и до, и после Цицерона видели в этой способности главное отличие человеческой природы от природы животной и поэтому возводили ее в ранг нравственного императива, следуя которому можно раскрыть в себе человеческую сущность.

Нравственное отношение к истине, по Цицерону, предполагает, что человек стремится избегать двух ошибок: принимать непознанное за познанное и прилагать чересчур большое старание к познанию ненужных предметов. Остановимся на этих двух ошибках более подробно.

1) *Принимать непознанное за познанное.*

К первой ошибке, по Цицерону, ведет поверхностное изучение вопроса. Это значит, исследование или рассуждение носит формальный ха-

рактически и своей конечной целью ставит вовсе не постижение истины.

Первую ошибку, как правило, допускают практически все теологические системы, которые представляют ответы на вечные вопросы в виде незыблемых догматов. Они могут использовать логику и научное познание, опять же опираясь на догматы как аксиомы. Тем самым статус аксиом, выражаясь математическим языком, получают не доказанные (или недоказуемые) теоремы. У религии есть огромный нравственный потенциал, заключающийся в постановке правильных вопросов, поднимающий сознание человека выше мирских проблем, связанных с жизнедеятельностью и биологизмом. Однако в них нет реальной возможности верифицировать полученные ответы.

2) Прилагать чересчур большое старание к познанию ненужных предметов.

Вторая ошибка, по Цицерону, обусловлена утратой связи познания с повседневной деятельностью человека. Особенно сегодня мы наблюдаем научное познание, лишенное всяких целей и ценностных ориентаций. А вся целесообразность многих бесполезных в научном отношении докторских диссертаций заключена в присвоении доплат и премиальных соискателям ученых степеней.

Достаточно прогуляться по залу диссертаций в Национальной библиотеке и почитать их названия в каталогах, чтобы понять до какого абсурда можно дойти, утратив нравственное отношение к истине. Например, диссертация на тему «Преподавание суффикса -щик- студентам иностранцам с родным польским языком!» А ведь даже кандидатская диссертация – это, как правило, около ста страниц текста. Такой объем предполагает хотя бы некоторый уровень обобщения. Как не вспомнить «неадекватное познание» в философии Спинозы и его «sub specie aeternitatis» (лат. «с точки зрения вечности»).

Но не стоит думать, что такое отношение к истине является абсолютно новым явлением в истории. Еще Сенека в 88 письме к Луцилию насмеялся над графоманами от науки, которые тратят драгоценное время жизни на познание совершенно ненужных вещей. Выражаясь словами великого философа, «стремиться знать больше, чем требуется, – это тоже род невоздержности» [3, с. 525]. Сам Сенека призывает задаваться философами великими вопросами: «*надо выучить все о делах божеских и человеческих, о прошлом и о будущем, о преходящем и о вечном, о времени, – а о нем одном ты сам знаешь, сколько есть вопросов? Первый –*

есть ли оно само по себе нечто? Потом – было ли что-нибудь до времени, без времени? Возникло ли оно вместе с миром? Или прежде возникновения мира, поскольку было нечто, было и время? И об одной только душе нет числа вопросам: откуда она? какова она? когда возникает? как долго существует? переходит ли с места на место, меняет ли обиталища, перебрасываемая во все новые виды одушевленных существ? или ей суждено только однократное рабство, а потом, отпущенная на волю, она бродит по вселенной? телесна она или нет? что она будет делать, когда мы перестанем быть ее орудиями? как она воспользуется свободой, когда убежит из здешней темницы? забудет ли прежнее? познает ли себя лишь расставшись с телом и удалившись ввысь?» [3, с. 524].

Как несложно заметить, истина утрачивается, когда практика оторвана от теории, а цель не согласуется с методом. Но все же главная причина – это отсутствие у субъекта познания благоговения перед истиной, если хотите – религиозного чувства по отношению к истине. Многие великие ученые дают нам образцы достойной восхищения цельности и многогранности личности. Это и Пифагор, философ, математик, педагог, лидер крупнейшей религиозной секты античности и политический деятель, и Лейбниц, отец высшей математики и автор философского трактата «Монология», озабоченный наукой о душе, и Исаак Ньютон, не в последнюю очередь занимавшийся историей Библии, кабалистикой и оккультизмом. Да и Альберт Эйнштейн, считающийся атеистом, уделял немалое внимание религиозным и мировоззренческим вопросам (его научное кредо вылилось в то, что называется «космической религией Эйнштейна»).

Сознание познающего субъекта в гуманитарной сфере (а квантовые физики уверяют нас, что не только в ней) напрямую влияет на предмет познания. К сожалению, часто случается (и случалось раньше), что познавательная деятельность мотивирована не самыми высокими потребностями личности. Еще древние философы с презрением относились к такому познанию, целью которого являются деньги. По мнению Цицерона, «ничто так не свойственно скудному и бедному уму, как любовь к богатствам» [3, с. 277]. Столетием позже другой великий римский ум Сенека выразит это следующими словами: «ты желаешь знать, что я думаю о свободных науках и искусствах. Ни одно из них я не уважаю, ни одно не считаю благом, если плод его – деньги. Тогда они – продажные ремесла и хороши до тех пор, пока

подготавливают ум, не удерживая его дольше» [3, с. 518–519].

Современным примером того, как исследователь должен относиться к истине, служит поступок питерского математика Григория Перельмана, не взявшего «призовой» миллион долларов. Болезненная реакция общественности на этот отказ хорошо иллюстрирует то, что подобная жертвенность и преданность науке не совсем свойственна нашему времени и шокирует обывателя. Как шокировал бы его и тот факт, что когда-то политическая карьера была связана с огромными расходами и финансовой ответственностью, которую несли высшие должностные лица римского государства, а не только с возможностью бесконтрольно и безнаказанно воровать, как это происходит в многочисленных банановых республиках просвещенного и продвинутого XXI века.

Отношение к истине как средству, а не цели приводит к тому, что она сначала отступает на второй план, а потом и исчезает вовсе. Одним из проявлений такого утилитарного подхода является современное отношение к образованию как к товару. Уже не только от обывателя, но часто и от специалиста можно услышать, что университеты «оказывают образовательные услуги», а не обучают, воспитывают и социализируют. Но, пардон, вуз – это не магазин, где главным вопросом является оплата товара. Знание не унесешь в сумке, оно порождается в процессе совместного труда педагога и обучаемого. И если учащийся не мотивирован или не способен к обучению, никакой педагог не сможет оказать ему качественной «образовательной услуги».

Продать можно только информацию, но никак не знание, являющееся продуктом творческой и познавательной деятельности. Деятельность эту, направленную на структурирование и ценностное индивидуальное осмысление информации, на формирование в процессе познания устойчивых когнитивных структур мозга, никто кроме самого индивида выполнить не в состоянии. И продукт такой деятельности всегда штучный, появляющийся в единственном экземпляре. Это и есть личность.

Утрата ценностного отношения к истине, проявилась и в подходе к отбору содержания образования. Набор учебных дисциплин становится иным, главным образом, вследствие вытеснения классического компонента образования. Учебные предметы, посвященные всестороннему изучению античности, обеспечивали столь необходимую целостность гуманитарного знания. В настоящий момент оно носит фрагментарный характер,

ведя, выражаясь языком Спинозы, к неадекватному познанию вещей. Нравственная ориентация еще в XIX веке меняет свой вектор с истинности на полезность, что явилось результатом возвышения третьего сословия в Старом свете. После же установления диктатуры четвертого сословия в отдельно взятой стране полезность отходит на второй план, уступая место покорности, главным образом, воле и идеологии правящего класса. Все это сопровождалось утратой холистического мировосприятия и способности следовать истине.

Гуманитарное знание крайне чувствительно к мотивации ученого в виду своих очевидных особенностей, дающих широкое поле для ментальных манипуляций нечистоплотного исследователя. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Во-первых, это *неясность, расплывчатость гуманитарного знания*. Как отмечал профессор В. Л. Акулов, «продуцирование «симулякров», т. е. словесных знаков, не имеющих значения; понятий, не несущих в себе никакого предметного содержания; заумь, сквозь которую не продрагаться и самому ее творцу, – таков стиль современной гуманитарной науки» [1, с. 3]. Ситуацию усугубляет то, что практически все научные термины имеют греко-латинское происхождение, а после ограничения (читай, почти полной отмены) преподавания классических языков они мало кому понятны в принципе.

Ясность не появится там, где нет осознания цели. Как говорится, «для того, кто идет в никуда – любой путь правильный». А цель гуманитарного знания – это духовное и интеллектуальное развитие личности. В точных науках духовное выносятся за скобки. В гуманитарных науках выхолащивание духовного (советское и постсоветское) по примеру естественных наук привело к их упрощению до примитивного уровня. Педагог может тысячу раз в течение одной лекции повторить слово «хлеб» и даже устроить экскурсию на хлебозавод, но пока учащийся не отрежет ломоть хлеба и не съест его, ощущение голода не пройдет. Изучение гуманитарных дисциплин – это сложный процесс построения личности на пути усвоения высоких форм общественного сознания. Эти формы (научное, эстетическое, этическое, политическое, юридическое, религиозное сознание) должны быть выявлены и в достаточной степени развиты у учащихся. Их недостаточно назвать или перечислить. Их надо усвоить, и этот процесс не поддается формализации.

Во-вторых, характерным признаком гуманитарных дисциплин является *слабая аргументация и субъективизм*. Как сетовал Зализняк, «у нас

не математика – все аргументы не абсолютные. Так что если у исследователя имеется сильный глубинный стимул «тянуть» в определенную сторону, то специфика дела, увы, легко позволяет эту тягу реализовать – а именно, позволяет находить все новые и новые аргументы в нужную пользу, незаметно для себя самого раздувать значимость аргументов своей стороны и минимизировать значимость противоположных аргументов».

Эта вторая особенность гуманитарного знания является причиной невиданного вмешательства как в познавательный, так и в образовательный процессы со стороны политиков и идеологов. Разлагающее влияние оказывает на гуманитарную науку и западный плюрализм, немело перенесенный в университетскую сферу, и в особенности интегрализм тоталитарных режимов, не предполагающий инакомыслия ни в каких формах и лишаящий университеты академической независимости. По словам Зализняка, «в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде. Результат: неверие и насмешка над официальными философами, официальными историками, официальными литературоведами. Теперь убедить общество, что в этих науках бывают выводы, не продиктованные властями предрешенными или не подлаженные под их интересы, действительно очень трудно».

Кризис гуманитарного образования в меньшей мере касается лингвистики, так как вполне можно согласиться с Зализняком, что «у лингвистов имеются гораздо большие возможности, чем у других гуманитариев, опираться на объективные факты — на строго измеренные и расклассифицированные характеристики текста».

Кризисные явления, как было отмечено выше, особенно затронули философию, историю и литературоведение. При этом неясность гуманитарного знания сильнее всего ощущается в философии, которая часто из «структуры непознанного» превращается в структуру несуществующего, а то и в откровенный наукообразный бред. Ориентация на политическую конъюнктуру в полной мере проявляется в исторической науке и отчасти в литературоведении. Недаром историки заслужили к себе ироничное отношение и были наречены «фантастами, которые пишут о прошлом». Мировая история как описательная наука до сих пор лишена научности и системности. В свою очередь, литературоведению не хватает адекватности познания, проявляющейся в целостности

восприятия как неотъемлемого свойства любого гуманитарного знания.

С паралогическим мышлением и попытками фальсификации гуманитарного знания необходимо бороться, по-видимому, со школьной скамьи. Но на сегодняшний день школа, увы, закрепляет догматический подход к дисциплинам гуманитарного цикла. Советский философ Э. В. Ильенков полагал, что в обучении надо идти от вопроса к ответу, от исследования к дефиниции, а не давать готовые, уже полученные и выстраданные кем-то ответы и формулировки, которые учащемуся остается лишь зазубрить. С его точки зрения практически все школьные дисциплины, кроме математики, преподаются подобным «нелепым» образом, следствием чего является неспособность ребенка соотнести общетеоретические положения с реальностью [2]. А ведь мы еще помним, что у Цицерона это и есть одна из главных причин ошибочного отношения к истине.

Сейчас мы находимся в своеобразном дидактическом средневековье. Образовательная система распрощалась с классической парадигмой, но еще не пришла к новой, мыследеятельностной, которая была бы сориентирована на человеческую деятельность и структуру сознания личности, а не на отдельные учебные дисциплины. Поэтому существующие подходы не обеспечивают целостность гуманитарного знания и не направлены на воспитание субъектности его носителей.

Кроме ориентации на «маммону» ученого могут подвести и чисто человеческие пороки. Как отметил в своей нобелевской лекции академик И. П. Павлов (1918 год), научный ум должен быть абсолютно беспристрастен, что в сочетании с преданностью отстаиваемой идее является редким даром, особенно среди гуманитариев. Слишком велик соблазн истолковать те или иные факты в пользу своей теории.

И все-таки прогресс науки, поступательное движение человеческой мысли остановить невозможно. «По-видимому, те, кто осознает ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать» (Зализняк). Пускай это будут единицы, которые выберут служение истине в ущерб материальному благосостоянию, вопреки мнению профанов и политической конъюнктуре. Но именно вокруг таких единиц вращается интеллектуальная история человечества.

Выводы:

1. Фундаментальным качеством научного сознания является нравственное отношение к истине. Такое отношение зависит от степени проявления высших потребностей личности и реализуется в единстве ценностно-ориентационной и познавательной деятельности.

2. Уровень сознания познающего субъекта в сфере гуманитарных наук непосредственно влияет на познаваемое, так как гуманитарное знание часто носит конвенциональный характер и трансформируется в зависимости от мотивации, целей и методов субъекта.

3. Изучение гуманитарных дисциплин требует специфических, чисто человеческих навыков,

не сводимых к неким абстрактным схемам и алгоритмам. Эти навыки необходимо приобретать повседневным духовным трудом на пути становления Человеком.

Литература

1. Акулов, В. Л. Диалектика языка и мышления как метатеоретическая проблема / В. Л. Акулов. – Минск: МГЛУ, 2011. – 16 с.

2. Ильенков, Э. В. Школа должна учить мыслить / Э. В. Ильенков. – М.: МПСИ, 2009. – 112 с.

3. Мыслители Рима. Наедине с собой / Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. – 832 с.

Материал поступил в редакцию 05.09.2015.